

ИСТОКИ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

ORIGINS OF COGNITIVE LINGUISTICS

R. Maherramova

Summary: This article discusses the origins and ideas of the emergence of cognitive linguistics. The basic concepts of cognitive linguistics are interpreted. In the course of the study, descriptive, descriptive-comparative and comparative-typological methods of linguistics were used. The internal form of the word and its cognitive potential are considered on the basis of words from the Russian and Azerbaijani languages. At the end of the article, summing up, it is noted that differences of a cognitive nature affect not only the internal form of languages. They may be of a deeper nature and affect the conceptual content of the sign.

Keywords: cognitive linguistics, inner form of a word, concept, cognitive potential, methods of linguistics.

Магеррамова Рена Али кызы

старший преподаватель, Бакинский государственный университет
rena.huseynova.70@inbox.ru

Аннотация: В данной статье рассматриваются истоки и идеи зарождения когнитивной лингвистики. Трактуются основные понятия когнитивной лингвистики. В ходе исследования были использованы описательный, описательно-сравнительный и сравнительно-типологический методы лингвистики. Внутренняя форма слова и его когнитивный потенциал рассматриваются на основе слов из русского и азербайджанского языков. В конце статьи подводя итоги, отмечается, что различия когнитивного характера затрагивают не только внутреннюю форму языков. Они могут носить более глубокий характер и затрагивать понятийное содержание знака.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, внутренняя форма слова, понятие, когнитивный потенциал, методы лингвистики.

Введение

В начале прошлого столетия в американской психологии было сделано открытие, проливающее свет на глубинный механизм человеческого поведения. Американские психологи пришли к определению поведенческой формулы «стимул – реакция», которая, по их мнению, могла быть распространена на все виды поведения. Так, устанавливалось, что поведение человека всегда так или иначе стимулировано. Он может и сам не знать об этом, что равным счетом ничего не означает. Более того, стимулы поведения могут быть прочно забыты, что также не лишает их значимости. Видимо, в начале XX в. такого рода теории, приоритетом которых была причинно-следственная связь явлений, вообще были в моде. Достаточно вспомнить теорию бессознательного З. Фрейда. Метод психоанализа был основан на раскрытии механизма воспоминаний больного с целью определения мотивов.

Действительно, поведение человека мотивировано. Человек может знать, но может и не знать о подлинных мотивах собственного и чужого поведения, но так или иначе они присутствуют всегда. Другое дело, что абсолютизировать идею зависимости поведения от тех или иных мотивов может вызывать возражения. Следует также отметить, что в истории науки довольно много плодотворных идей было загублено попытками абсолютизировать их положительное содержание. Н. Смит в своей энциклопедии «Современные системы психологии» пишет следующее: «Концепция бихевиоризма, выдвинутая Джоном Уотсоном в 1913 г., представляла собой «методологический бихевиоризм». Уотсон не отрицал наличие

разума (mind); он лишь заявил, что психология может благополучно обойтись без обращения к этому понятию. Иными словами, разум не был включен в методологию бихевиоризма. Однако уже в 1919 г. он выступил с отрицанием разума как научного понятия, провозгласив тем самым «радикальный бихевиоризм» [7, с. 85]. Отрицание разума как научного понятия и есть в принципе абсолютизация фундаментальной идеи бихевиоризма, иными словами, абсолютизация стимула. Под наукой, научными понятиями и научными критериями в данном случае понимается только то, что поддается эксперименту, то, что может исчисляться. Роль разума в ходе эксперимента, действительно, очень сложно вычислить. Если создается впечатление, что человек полностью контролирует собственные эмоции и поступает не в соответствии с предлагаемыми стимулами, внешними раздражителями, а руководствуется разумом, то в таком случае его руководство разумом мотивировано какими-либо иными раздражителями, о которых мы просто можем не знать и, как правило, не знаем. Однако Уотсон, как видим, полностью категоричен, не потому что он принижает роль разума в человеке, а по той причине, что он объявляет разум ненаучной категорией.

Основные понятия когнитивной лингвистики

Смыслом обладают только суждения об относительных ценностях, поскольку они легко переводятся в суждения о фактах. В случае с радикальным бихевиоризмом также можно предположить, что он основывался на невозможности непосредственного наблюдения разума. Следует отметить, что словари психологических терминов и не отмечают такое понятие, как «раз-

ум». Что же касается интеллекта, то в психологической литературе можно встретить различное его описание. Иногда даются очень расплывчатые определения, по которым сложно понять конкретное содержание этого понятия. Например, «относительно устойчивая структура умственных способностей индивида» [6, с. 142]. То есть предполагается, что мы должны знать, что такое «ум», чтобы понять, что означает «устойчивая структура умственных способностей». Здесь ум определяется как «обобщенная характеристика познавательных возможностей человека (в отличие от *чувств* и *воли*). В более узком смысле – индивидуально-психологическая характеристика мыслительных способностей человека» [6, с. 414].

Д. Майерс определяет интеллект как «способность к целенаправленному адаптивному поведению, в том числе умение извлекать пользу из опыта, решать задачи и логически рассуждать» [4, с. 826]. Если разум, или ум, или интеллект, представляет собой хотя бы одно из указанных свойств личности, то он вполне может считаться научной категорией, научным понятием. Так, например, способность рассуждать логически вполне может быть проверена экспериментально. Умение решать задачи также можно легко проверить, например, хотя бы шахматные задачи или композиции. Набирать опыт и извлекать пользу из него также совершенно эксплицитно обнаруживаемая и наблюдаемая особенность духовного облика человека.

В «Кратком словаре когнитивных терминов» указывается, что когнитивизм – это «термин когнитивной науки, использующийся в нескольких разных смыслах: 1) когда под ним имеют в виду возвращение к проблемам познания и познавательных процессов, ранее изучавшихся в психологии в рамках противопоставлявшегося бихейвиоризму ментализма» [3, с. 47]. В любом случае в основе когнитивной лингвистики лежит обращение к фактам познания, механизму приобретения знаний из окружающего мира, кодированию этих знаний знаками и семиотической системой язык в целом, сохранению этих знаний и их представлению в речи. Как отмечает В.З. Демьянков, «в лингвистическом теоретизировании конца XX – начала XXI вв. когнитивная лингвистика занимает несомненно доминирующее место, в частности, и потому что здесь на язык смотрят как на одну из «когнитивных областей» человека, связанных с другими областями и поэтому отражающих взаимодействие психологических, культурных, социологических, экологических и других факторов» [3, с. 5].

Когнитивная природа языка

Считается, что именно язык несет в себе информацию о внешнем по отношению к человеку мире, а также о его внутреннем мире. В связи с этим язык изучается как ду-

ховное пространство, несущее в себе абсолютно все, что отражается человеческим сознанием, а ничего другого о мире мы и не знаем. Мир представлен исключительно в сознании. Понимание этого обстоятельства делает особенно актуальным изучение естественных языков в двух планах. Первый план составляют фундаментальные исследования вообще когнитивной природы языка. Здесь не актуальна дифференциация по различным языкам. В поле интереса находится естественный язык вообще, его познавательный механизм. На наш взгляд, в ходе подобных рассуждений вполне логична параллель со структурализмом, какой бы парадоксальной она ни показалась бы. Так, структуралистов не интересовали конкретные языки. Конкретные языки для них были только средством, с помощью которых и через которые они пытались обнаружить универсальную, существующую вне времени и пространства, модель естественного языка, составляющую основу всех языков мира. Так и когнитивисты ищут тот универсальный механизм познания, который присущ всем языкам, является универсальной когнитивной сущностью любого естественного языка.

Второй план когнитивных исследований языка ориентируется на определение индивидуальной специфики отдельно взятого национального языка, оригинальность и неповторимость снятия фрагментов действительности, кодирования информации и ее репрезентации. Понятно, что оба плана взаимосвязаны и взаимообусловлены, они дополняют друг друга, если они ценны сами по себе, то ценны и при координации усилий. Ясно также, что первое направление опирается на результаты второго. По ходу изучения отдельно взятых языков исследователи отделяют универсально значимое, типологическое и индивидуальное.

В. Эванс и М. Грин вполне справедливо говорят о том, что «когнитивному анализу подвергаются прежде всего значимые единицы языка, иными словами, лексические и фразеологические единицы, частично морфологические». Они также отмечают, что некоторые лингвисты не теряют надежды привлечь к когнитивному анализу единицы фонетики и синтаксиса, хотя и сознают, что сделать это не так просто [10, с. 12]. Действительно, различия в познания мира четко прослеживаются в лексической системе языка. Уже на уровне внутренней формы видны разные представления о мире. Например, азербайджанцы очень любят приводить пример со словом *evlənmək*, сравнивая его с русским словом *жениться*. Встречаются люди, даже среди ученых-лингвистов, придающие слишком большое значение такого рода различиям, абсолютизирующие такие различия. Абсолютизация обычно не является верным путем, но тем не менее различия есть, и они очевидны. Для азербайджанского менталитета вступление в брак есть желание создать собственный дом и чувство ответственности за этот дом. Для русского менталитета – это обзаведение женой. Азербайджанцы на-

зывают человека, который женится, *bəu* – жених, *gəlin* – невеста; русские *молодой* – жених, *молодая* – невеста, *молодые* – оба, у азербайджанцев оба – *bəu və gəlin*.

Русские и азербайджанцы вкладывают различный образный смысл в эти обозначения, ни у кого это не вызывает недоразумения, как сегодня иногда это случается при использовании других слов в речи. К словам *молодые* (если даже брачующимся по 80 лет) и *bəu və gəlin* люди относятся просто. Эти выражения стали стандартами.

Внутренняя форма слова

В Азербайджане окружающие иногда возмущаются, слыша слово *ağsaqqal*, обращенное в общественном месте к пожилому мужчине. Особенно удивляются этому турки, приезжающие в эту страну, мол, что за обращение. Следует помнить, что это всего лишь этикетные формы, возмущение же или недоразумение основано на актуализации внутренней формы. Точно так же совсем недавно азербайджанцы возмущались тому, что у нас стали называть *bəu* кого попало. Мол, какие они беки. Хотя для тех же самых турок это было обычное обращение. Иногда женщины, занимающиеся тяжелым трудом, выполняющие грязную работу, удивляются, когда к ним обращаются со словом *xanım*. Следует хорошо представлять себе, что во всех таких случаях мы имеем дело с речевыми стандартами, не более того. Недоразумения в таких случаях всегда построены на актуализации внутренней формы слова, того образа, который лег в основу значения.

В лингвистике хорошо известно, что внутренняя форма слова и его значение – это разные вещи, которые недопустимо смешивать. Иногда говорящие возмущаются новым осмыслением слов, их терминологическим употреблением. Например, в один период стали очень модными такие слова, как *терпимость* и *политкорректность*. При этом очень часто можно было услышать недоумение по поводу слова *терпимость*: «что значит *терпимость*, что мы должны друг друга терпеть?!»

Таким образом, внутренняя форма лексических единиц достаточно четко отражает видение мира, его понимание и интерпретацию. В современных языках историческое видение и понимание предметов и явлений сохраняется на уровне образной основы. Никто из тех, кто хорошо владеет языком, не будет смешивать их со значением. Приведенные примеры свидетельствуют о плохом владении языком или вообще низком интеллекте. Однако лингвисты знают, что факты такого смешения этимологического и актуального значения нередко встречаются и в лексикографии, когда словари вместо того, чтобы описывать значение слова, объясняют его образную основу. Например, во Фразеологическом словаре русского языка под редакцией А.И. Молоткова

значение фразеологизм *от души* определяется как «искренне, с полной непосредственностью» [9, с. 152]. Указывается, что в окружении фразеологизма выступают глаголы типа *сочувствовать*, *жалеть*, *советовать*, *поздравить* и т.д. В сочетании с этими глаголами фразеологизм *от души* действительно обнаруживает указанные значения, но ведь хорошо известно, что данный фразеологизм в современном русском языке устойчиво сочетается с широким кругом глаголов конкретного действия, например, *покушать*, *выпить*, *ударить*, *кричать* и т.д. В сочетании с этими глаголами *от души* уже не означает «искренне» или «с полной непосредственностью». Таким образом, внутреннюю форму с актуальным значением смешивать нельзя, хотя смешивают и словари, и говорящие. Тем не менее, не считаться с внутренней формой также недопустимо.

Во-первых, встречаются случаи контекстуальной актуализации образной основы, что значительно усиливает эмоциональность высказывания и в конечном счете коммуникативный эффект. Во-вторых, именно внутренняя форма дает представление об этническом мировидении и миропонимании. Вне учета внутренней формы все рассуждения об этом остаются пустыми разговорами. Не случайно В. фон Гумбольдт говорил о том, что дух народа отражается в языке, имея в виду внутреннюю форму [2, с. 100-101]. Как правило, последователи В. фон Гумбольдта и в прошлом, и теперь, рассуждая на эту тему, приводят лишь отдельные примеры. Эти примеры кочуют из одной работы в другую и в принципе верно передают саму идею. Однако важно понять, что только в случае системного описания лексики того или иного языка можно составить представление о его образной основе и соответственно этническом мировидении.

Анализ образной основы отдельных слов и даже лексико-семантических групп очень интересен и плодотворен, но он не дает возможности составить представления о том феномене, который В. фон Гумбольдт называл внутренней формой языка. Конечно, это грандиозная задача и вряд ли под силу одному человеку или даже группе ученых, но только системное и комплексное исследование может дать возможность обозначить границы национального миропонимания.

Англичане увидели птицу, которая ныряет в море и назвали ее *diver*, это название совершенно однозначно демонстрирует видение данной птицы. Русские назвали ту же самую птицу *гагара*, поскольку они слышали издаваемые ею крики. В русском языке у этой птицы существуют и такие названия, как *крохаль* и *поганка*. Первое, видимо, обусловлено тем, что она достает клювом мелкую рыбу. Второе, видимо, тем, что она питается всем, что ей попадается. Во всех случаях значение слов мотивировано тем когнитивным признаком, который заметили люди и который лег в основу значения. Характерно,

что все эти названия разные, поскольку они соответствуют разным когнитивным признакам.

Как известно, понятийную основу лексического знака составляют признаки самих предметов, обозначаемых этим словом. Признаки бывают и основные, и второстепенные. Важно совпадение по основным признакам, при этом второстепенные признаки могут и не совпадать. Совпадение или идентичность основных признаков множества предметов объединяет их в единый класс предметов, называемые, одним словом. Поскольку понятия вообще носят универсальный характер, то считается, что понятийное содержание эквивалентных слов в разных языках совпадает.

Известно, что концептуальную основу лексического значения слова составляет понятие. Понятие же, будучи термином науки логики, представляет собой совокупность существенных признаков предметов одного класса, что, собственно, и объединяет их в один класс и позволяет называть их, одним словом. Например, А. Никифоров указывает: «Понятие есть форма мысли, отображающая предметы и явления в их наиболее общих и существенных признаках» [5, с. 21]. В. Ф. Асмус по этому поводу пишет так: «Так как характернейшей чертой понятия, отличающей его от простого представления, является точность, с какой в содержании понятия указываются существенные признаки, то отсюда следует, что важнейшей логической операцией, или первым логическим действием над понятием будет *установление* его содержания» [1, с. 52]. Таким образом, попытаемся установить содержание понятия «стол», т.е. содержание той интеллектуальной-когнитивной категории, которая составляет основу лексического значения слова *стол*. Статья в Словаре Д.Н. Ушакова начинается с указания, что это предмет домашней мебели. В этом же Словаре слово *мебель* определяется как «предметы комнатной обстановки: столы, стулья, шкафы, диваны, кресла и т.п.» [8, с. 656]. Таким образом, слово *стол* прочно связывается с комнатой и

ее обстановкой, жилищем человека. Жизненный опыт каждого носителя языка говорит о том, что столы далеко не всегда являются предметом домашней мебели. Очень устойчивым является понятие о столярном столе, чертежном столе, столе портного, теннисном столе, самых разных других столах. Они могут быть из стекла, железа, из чего угодно. Следовательно, материал не является существенным признаком, как не является существенным признаком и «комнатная мебель» или «мебель» вообще.

Заключение

Когнитивные различия в наименовании одних и тех же предметов в языках мира совершенно очевидны. Это тот уровень неповторимости каждого из языков мира, который лежит на поверхностном уровне, эксплицитно выражен и абсолютно доступен пониманию. Более того, внутренняя форма доставляет удовольствие эстетического характера, поскольку воспринимается как художественное свойство означивания.

Различия в мировидении, зафиксированные во внутренней форме лексических единиц, очевидны и не требуют доказательств. Кроме того, это различия чисто когнитивного характера.

Различия когнитивного характера затрагивают не только внутреннюю форму языков. Они могут носить более глубокий характер и затрагивать понятийное содержание знака.

Утверждение оригинальности семантической системы языка в сфере понятийного содержания, а также неповторимости поля значения и соответственного понятийного поля, когда роль отдельного слова-знака оказывается незначительной и воспринимается всего лишь как фрагмент реальности поля или сферы значения, как нам представляется, есть непосредственный переход к пониманию сути концептов и концептосферы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асмус, В.Ф. Логика. Москва: Едиториал УРСС, 2001, 392 с.
2. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию. Москва: Прогресс, 1984, 397 с.
3. Кубрякова, Е.С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. Москва: Изд-вл МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997, 245 с.
4. Майерс, Д. Психология. Москва: ООО «Попурри», 2001, 848 с.
5. Никифоров, А. Книга по логике. Москва: Издательство Современного гуманитарного университета, 2005, 72 с.
6. Психология. Москва: Политиздат, 1990, 494 с.
7. Смит, Н. Современные системы психологии. История, постулаты, практика. СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2003, 384 с.
8. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь русского языка в 3-х томах. Том 1. М.: Вече. Мир книги, 2001, 704 с.; Том 3. Москва: Вече. Мир книги, 2001, 672 с.
9. Фразеологический словарь русского языка. Москва: Русский язык, 1986, 543 с.
10. Evans, V., Green, M. Cognitive linguistics. An introduction. Edinburg University press, 2006, 830 p.

© Мареграмова Рена Али кызы (rena.huseynova.70@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»